

Откуда здесь взялся поросенок?

Этот малыш, похоже, прекрасно понимал, до чего умилительно выглядит, когда валяется кверху брюшком: он лениво перекатывался с боку на бок и упорно не желал подниматься, явно напрашиваясь на ласку. Размером кроха был от силы с младенца. На его фоне утренняя гуаньгуань куда больше походила на жирную свинью.

Пока Не Гэнлань раздумывал, поросенок умудрился распластаться и перекатиться еще разок, устроив круглую мордочку прямо на его подъеме стопы.

Перед мягкими зверьками юноша пасовал без боя. Присев на корточки, он осторожно пощекотал нежное брюшко. Шерстка у поросенка оказалась пастельно-розового, лotosового оттенка, поразительно мягкая и шелковистая на ощупь.

— Поросенок, ты с какого пика сбежал? Чей ты духовный зверь? — негромко спросил Не Гэнлань.

— Хрюк!

Малыш доверчиво потерся пяточком о его сапог. Вид у него был ласковый и невыразимо преданный; огромные влажные глаза уставились на Не Гэнланя с такой вселенской тоской, что сердце сжималось от жалости.

На самом же деле поросенок в этот момент недовольно дергал хвостиком и мысленно исходил ядом:

«Да если бы не желание завоевать твое расположение, стал бы я позориться и превращаться в свинью?!»

Не Гэнлань, впрочем, слегка засомневался:

— И почему твое хрюканье так похоже на писк новорожденного птенца?

Услышав это, поросенок мгновенно обмяк и притворился мертвым, застыв на его ноге без единого вздоха.

Не Гэнлань растерянно моргнул.

— Эй, что с тобой?

«Хрю-ю-у... Я так проголодался, что копытца не держат...» — симулировал несчастный комок.

Не Гэнлань только молча покачал головой. Какому безалаберному хозяину пришло в голову морить голодом собственного питомца? Несчастный зверь, должно быть, отправился на поиски пропитания и без сил рухнул прямо у тропы.

Немного подумав, он спросил:

— Будешь еду из нашей трапезной?

Поросенок радостно вскинул голову и едва не заверещал от восторга, но вовремя вспомнил свою роль. Сдавленно выдавив слабое «хрюк», он преувеличенно вяло, но отчаянно закивал.

Не Гэнлань выпрямился.

— Жди здесь, я быстро принесу что-нибудь.

— Хрюк!

Сделав пару шагов, юноша обернулся:

— Что еще?

«Мяса... Мяса побольше, чтобы силы вернулись!» — умоляюще косился поросенок.

— Хорошо.

В трапезной Не Гэнлань попросил несколько куриных ножек и целую тарелку сочных мясных баоцзы, заработав немало удивленных взглядов от других учеников. Когда он вернулся к зарослям, розовый копытчатый обжора уже нетерпеливо вытягивал шею, высматривая спасителя.

Отведя малыша в уединенную беседку, Не Гэнлань выставил угощение на каменный стол.

— Налетай.

Поросенок победно взвизгнул, взгромоздился упитанным тельцем на столешницу и принялся бесцеремонно орудовать копытцами, заглатывая еду с неприличной скоростью. В самый разгар пиршества он покосился в сторону и наткнулся на внимательный взгляд юноши. Внезапно устыдившись своего дикого аппетита, прожорливый гость поспешно уткнулся обратно в тарелку.

«Надо же, а малец-то не промах, — лениво подумал он про себя. — Сердобольный какой».

За декоративной горкой притаился тайком вернувшийся Бэймин Шо. Наблюдая за этой картиной, он едва сдерживал недоумение. Эта жирная птица еще утром уволокла младшего брата Не к озеру Чудесных Звуков, а теперь обернулась свиньей и бессовестно выклянчивает у него еду?

Впрочем, собственное безрассудство беспокоило Бэймин Шо куда меньше. Он вернулся лишь ради того, чтобы лишний раз полюбоваться Не Гэнланем, и судьба вознаградила его сполна, явив зрелище столь чистого и ласкового милосердия. В глазах дракона заблестели слезы немого обожания.

«Мое сокровище — самый добрый человек на всей материке Струящейся Луны!»

Накормив нежданного гостя, Не Гэнлань напрямик направился в Павильон Книжных Сокровищ. Бэймин Шо тоже поспешил откланяться. Оседлав меч, он летел прочь, глупо улыбаясь и не чуя под собой земли от нахлынувших чувств.

— До чего же хорош, до чего же чист душой... — блаженно шептал он. — Мое сердце сделало правильный выбор...

Однако стоило ему пересечь барьер Пика Нефритового Костного Мозга, как перед самым носом завис золотой талисман передачи звука. В ушах дракона громом отозвался холодный, величественный голос:

«Ученическое состязание завершено. Впредь тебе запрещено без надобности нарушать покой Пика Нефритового Костного Мозга».

Приняв истинное драконье обличье, Бэймин Шо понуро опустил усатую морду и поник, точно побитый градом цветок.

— Слушаюсь... — тоскливо пробормотал он.

Не Гэнлань провел среди пыльных фолиантов Павильона Книжных Сокровищ добрых два стражных часа. Когда он наконец покинул стены библиотеки, солнце давно скрылось за горизонтом, уступив место холодному сиянию луны. Вернувшись в свою комнату в Обители Разносящихся Звуков, он наспех перекусил сухой лепешкой, умылся и без сил рухнул на постель.

Направление ци в тело шло из рук вон плохо. На его пути выросла невидимая, но непреодолимая преграда. Из-за чрезмерного рвения и неверного распределения духовных сил

меридианы юноши горели огнем, а мышцы ныли от тупой боли. Под конец ему не удавалось даже удержать крошечную крупицу духовной энергии — истощенный разум отказывался повиноваться, вынуждая раз за разом прерывать медитацию.

Засыпая, на самой границе между явью и тяжелым забытием, он расслышал ядовитый шепот со стороны соседних коек:

— Ишь как старается, так и пышет усердием. Кого удивить пытается? Перед старейшинами выслужиться хочет, не иначе...

Не Гэнлань вяло нащупал под подушкой мягкие ватные шарики, которые когда-то всучил ему Сюй Тяньтянь, плотно заткнул уши и мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

На следующий день, едва первый намек на зарю окрасил предутренний туман в блекло-серые тона, фигура в самом углу комнаты резко выпрямилась.

Стараясь не издать ни единого шороха, Не Гэнлань умылся ледяной водой и вернулся на свое ложе. Пока остальные ученики мирно посапывали, он скрестил ноги и погрузился в созерцание. Но не прошло и четверти часа, как лицо его исказила мучительная гримаса. Тяжело, со свистом выдохнув, он бессильно уронил руки на колени.

Бесполезно. Опять ничего не вышло. Окружающий мир буквально звенел от избытка первозданной ци — протяни руку и бери, сколько пожелаешь. Но стоило направить эту мощь внутрь, как она начинала беспорядочно метаться вокруг меридианов и наотрез отказывалась оседать в даньтяне.

Юноша тяжело дышал, утирая капли холодного пота со лба. Он уже собирался сделать очередную попытку, когда из глубин двора донеслось пронзительное, оглушительное кукареканье.

— Подъем! Подъем! Вставайте, бездари, подъем! Солнце уже высоко, бездельники!

Вновь разбуженные столь бесцеремонным оскорблением, ученики повскакивали со своих мест, кипя от ярости. Как и накануне, разъяренная толпа вывалила во двор, швыряя тяжелые подушки в сидевшую на ветке гуаньгуань.

— Что за паршивая курица! Буди нормально, зачем обзывать?!

Встревоженная птица яростно захлопала крыльями и заверещала в ответ:

— Сами вы куры! Весь ваш род куриный! Ко-ко-ко!

Все равно по воле господина ей предстояло три месяца просидеть на голодном пайке без изысканных лакомств. Так почему бы не сорвать злость на этих несносных недотепах? Хм!

Выполнив утреннее поручение и изрядно попортив всем кровь, гуаньгуань осталась довольна собой. Она уже собиралась выдать очередную колкость, как вдруг заметила среди толпы уродливую маску шрамов.

Лицо, разделенное надвое — прекрасное и в то же время пугающее. Птица тут же вспомнила вчерашнюю трепку, испуганно пискнула и, шумно хлопая крыльями, поспешно убралась восвояси.

Проводив взглядом упитанный силуэт пернатой нарушительницы спокойствия, Не Гэнлань под аккомпанемент чужой ругани покинул территорию Обители Разносящихся Звуков и направился в трапезную. Наскоро позавтракав, он ушел к бамбуковой роще возле Холодного источника, отыскал тихий уголок и вновь принял позу созерцания.

Потянулись однообразные дни. Не Гэнлань уходил на рассвете и возвращался глубокой ночью, изнуря себя тренировками. В редкие часы отдыха он заучивал наизусть «Сборник летописей Школы Духовных Звуков», готовясь к предстоящему испытанию. Но как бы упорно он ни занимался духовными практиками, результат оставался прежним: ци либо рассеивалась на подступах к телу, либо, встретив мощное сопротивление в меридианах, бесследно таяла.

Душу юноши точила тревога. Лишившись нормального сна и аппетита, он за несколько дней заметно осунулся и похудел. На очередном уроке летописи Сюй Тяньтянь наконец обратил внимание на его изможденный вид и встревоженно прошептал:

— Не Гэнлань, на тебе лица нет! Ты совсем себя загнал. Неужели... неужели эти бездельники опять строят тебе козни?

Не Гэнлань покачал головой:

— Нет, все в порядке. Просто медитации отнимают слишком много сил.

— Правда? — Сюй Тяньтянь явно не поверил, смерив друга подозрительным взглядом.

Впрочем, расспросы пришлось прекратить: в класс вошел старейшина Ху, и занятие началось. Ближе к концу лекции наставник коснулся темы, которая давно занимала умы многих — феноменального изобилия духовной энергии в Школе Духовных Звуков за последнее столетие.

Во всем мире Струящейся Луны не сыскать было места благодатнее. Духовные жилы пронзали окрестные хребты на тысячи ли вокруг; число крупных и мелких источников перевалило за

сотню. А ведь каких-то пятьсот лет назад здесь едва насчитывался десяток истощенных жил.

Сюй Тяньтянь поднял руку и спросил:

— Старейшина Ху, дозвоьте узнать: какое великое событие переродило здешние земли и даровало школе такое могущество?

Старейшина Ху лишь неторопливо погладил седую бороду и загадочно усмехнулся:

— Переродило? Кто знает... Возможно, то была лишь великая милость Небес. Но станет ли этот дар благословением или обратится проклятием — покажет лишь время.

Ученики недоуменно переглянулись, так и не получив внятного ответа. В этот момент протяжный удар колокола возвестил об окончании урока. Старейшина Ху, не теряя ни секунды, спешно покинул аудиторию, избавив себя от лишних расспросов.

Сюй Тяньтянь шутливо показал наставнику вслед кончик языка. Собрав свитки и уложив их в мешочки вселенной, приятели поспешили на урок по направлению ци в тело.

Наставник Хэ без лишних предисловий вызвал к доске нескольких учеников, требуя отчитаться об успехах. К сожалению, похвастаться было решительно нечем — все они топтались на месте.

— Что ж, неудивительно. Большинство из вас обладают смешанными духовными корнями, так что трудности на начальном этапе вполне закономерны. Кому-то потребуется пять-шесть лет, иным — добрая сотня, чтобы доползти до стадии Возведения фундамента. И даже такой результат можно считать великим даром Небес. А потому умение сохранять хладнокровие, не поддаваться спешке и твердо следовать избранному пути вопреки упрямой судьбе — это величайшая из наук, которую вам надлежит постичь.

Ровный, размеренный голос старейшины Хэ эхом разносился под сводами зала, но Не Гэнлань слушал его со смешанным чувством тоски и обреченности. Каждое слово наставника вонзалось в его сердце ледяной иглой.

Пять-шесть лет? А может, и целое столетие... и все это ради того, чтобы едва-едва укрепить фундамент?

Еще до вступления в Школу Духовных Звуков он знал, что обладателям множественных корней закрыты высшие пути совершенствования. Но тогда юношеская гордость упрямо нашептывала, что упорство и труд способны сокрушить любые преграды. Он верил, что скудость таланта можно искупить безграничным усердием.

Однако реальность оказалась беспощадной. Проведя последние дни в непрерывных медитациях от рассвета до заката, он не сумел преодолеть даже самый первый, простейший порог. Теперь

он воочию узрел ту бездонную пропасть, что разделяет посредственность и истинный гений. Пропать, которую невозможно перешагнуть, сколько ни старайся.

Очнулся он лишь тогда, когда учебный класс совсем опустел. Сюй Тяньтянь легонько толкнул его локтем в бок, прерывая безрадостные думы:

— Эй, ты чего застыл, точно изваяние? Скажи честно, как твои успехи с ци? Удалось нащупать поток?

Не Гэнлань медленно повернул к нему голову.

— А у тебя, стало быть, получилось? — тихо спросил он.

— Ну разумеется! Разве в этом есть что-то сложное? — брякнул Сюй Тяньтянь и тут же осекся, испуганно зажав рот ладонью. Осторожно скосив глаза на помрачневшего друга, он неловко пробормотал: — Ох... прости. Неужели все действительно так плохо?

Не Гэнлань криво усмехнулся.

— Да, скрывать не стану — дела скверны. Но наши врожденные таланты несопоставимы, так что тебе не за чем скромничать и подбирать слова. Я не держу на тебя обиды.

Сюй Тяньтянь облегченно перевел дух и тут же вернулся к привычной болтовне:

— Вот и славно! Наставник Хэ ведь сам твердил, что с кучей корней возиться куда дольше. Но ты не вешай нос! Я уверен, в тебе скрыта недюжинная сила. Наберешься опыта и еще утрешь нос всем этим выскочкам!

Не Гэнлань промолчал. Его былая уверенность, некогда казавшаяся нерушимой, дала глубокую трещину.

«Неужели и впрямь смогу?..» — тоскливо подумал он.

На вторую половину дня была назначена новая дисциплина — искусство игры на цине. Сюй Тяньтянь наотрез отказался возвращаться на Пик целебных снадобий и упрямо увязался за Не Гэнланем в трапезную.

Отыскав свободный столик, Сюй Тяньтянь принялся жаловаться на признанных гениев нового набора:

— С этими ребятами вроде Цзюнь Яожань, Мужун Чжэнсюэ или твоего братца Не Юньчжэня тягаться бесполезно. На уроках полетов они парят на мечях без подсказок наставников! Более того, истинные владыки освободили их от большинства занятий. Представляешь? Им нужно посещать только обязательные лекции по летописи, алхимии и циню, а все остальное время они вольны тратить на личную практику по своему усмотрению!

Сюй Тяньтянь в очередной раз скорчил уморительную гримасу.

— Эх... Расскажи я кому из внешних учеников, что направить ци в меридианы — пара пустяков, они ведь решат, будто я кичусь своим превосходством. Хотя я чистую правду говорю! Но по-настоящему пугают эти изнеженные господа и дамы из великих кланов. Их таланты просто за гранью понимания простых смертных.

Не Гэнлань горько усмехнулся про себя. Перед лицом истинного, благословленного Небесами дара любые потуги обычного человека казались лишь нелепым, жалким фарсом.

В его памяти невольно всплыл образ сводного брата — высокомерного и лицемерного Не Юньчжэня. Слова превосходства, которые тот некогда цедил сквозь зубы, больше не казались пустой попыткой запугать. То был суровый, неоспоримый факт.

Покончив с обедом, юноши вновь укрылись в прохладной тени бамбуковой рощи, пытаясь медитировать. Время пролетело незаметно, и вскоре колокол призвал учеников на первый урок музыки.

В просторном классе собрался весь поток без исключения. Почетные места в первых рядах заняли любимцы фортуны: блистательная Цзюнь Яожань, невозмутимый Мужун Чжэнсюэ и безупречный Не Юньчжэнь.

Стоило на пороге показаться Истинному владыке Сюанью, ведавшему обучением игре на цине, как ученики дружно поднялись, склоняясь в глубоком приветственном поклоне. Цзюнь Яожань выказала особое почтение, глядя на своего наставника с благоговейным трепетом.

Истинный владыка Сюанью легким жестом велел всем занять свои места. Затем он едва заметно повел рукавом широкого одеяния, и на его столе в тот же миг материализовался изысканный музыкальный инструмент, окутанный мягким изумрудным сиянием.

По залу прокатился восторженный шепот. Молодой господин Ван Мяомяо не удержался и благоговейно выдохнул:

— Неужели это... Древний цинь Лазурной Зелени, вырезанный из первозданного священного дерева? Неужели мои глаза не лгут мне?!